

Письменный Евгений Владимирович

аспирант кафедры культурологии и социологии,
переводчик отдела международных связей
Челябинской государственной академии
культуры и искусств
тел.: (951) 447-44-40

**РЕИНТЕРПРЕТАЦИЯ
МИФОЛОГИЧЕСКИХ МОТИВОВ
ТЮРЕМНО-ВОРОВСКОЙ СУБКУЛЬТУРЫ
КАК ЦЕЛЕНАПРАВЛЕННЫЙ
ПРОЦЕСС**

Аннотация:

В статье рассматривается целенаправленный характер процесса воспроизводства мифологических конструктов тюремно-воровской субкультуры во внешнем социокультурном пространстве, также анализируются факторы, генерирующие и направляющие данный процесс.

Ключевые слова:

реинтерпретация, тюремно-воровская субкультура, мифологема, ремифологизация, социальный миф, тюремный шансон.

Pismenniy Evgeniy Vladimirovich

post-graduate student of the chair of
culturology and sociology,
translator of international relations department,
Chelyabinsk state academy of culture and arts
tel.: (951) 447-44-40

**REINTERPRETATION OF
MYTHOLOGICAL MOTIVES OF
PRISON-THIEVISH SUBCULTURE
AS A PURPOSEFUL
PROCESS**

The summary:

The article considers the purposeful character of the process of prison-thievish subculture mythological constructs reproduction in the external socio-cultural space, it also analyses the factors generating and directing this process.

Keywords:

reinterpretation, prison-thievish subculture, mythological element, remythologizing, social myth, prison chanson.

Современная Россия переживает очередной сложный период, характеризующийся тем, что ситуация социальной нестабильности, возникшая вследствие действия мирового финансового кризиса, усугубляется побочными эффектами проводимых правительством реформ. Данный процесс формирует благоприятные условия для возникновения мифотворческой ситуации, которая имеет следующие основные условия: «потребность в иллюзиях, высокий уровень общественной доверчивости, недостаток общей культуры и достоверной информации, эмоциональное напряжение, коллективность переживания и взаимозаражение» [1, с. 98]. Процесс формирования мифотворческой ситуации, в свою очередь, способствует активизации мифологического сознания. Все вышеперечисленные условия мы можем выделить в нашей действительности. Кроме этого, в обществе, переживающем период социальной нестабильности, всегда присутствует та или иная степень недоверия и недовольства институтами власти, и активизированное мифологическое сознание легко принимает и усваивает мифы, негативно интерпретирующие эти институты. Надо сказать, что значительная часть современных социальных мифов имеет искусственный характер и создается осознанно, в угоду достижению тех или иных целей, зачастую политического характера. То есть в данном случае имеет место процесс осознанного мифотворчества. С другой стороны, и спонтанные проявления этих процессов также имеют место.

В современном российском обществе продолжает активно развиваться процесс прославления и романтизации тюремно-воровских традиций. Он состоит в заимствовании и адаптации во внешнем мире субкультурных пенитенциарных реалий. Этот процесс, обладая определенной естественностью в силу российских социокультурных особенностей, тем не менее, в некоторой степени является направляемым и контролируемым, то есть процессом целенаправленным, преследующим определенные цели.

Многие современные исследователи данного процесса (Ю.Ю. Черкасова, В.И. Катин, А.Р. Багаутдинова) определяют данный процесс как экспансию тюремной субкультуры, «распространение в обществе элементов преступной субкультуры» [2, с. 279] либо проникновение в повседневную жизнь и воспроизводство в отдельных социальных группах черт уголовной субкультуры [3, с. 52]. По нашему мнению, подобные трактовки способствуют существенному упрощению этого процесса, недооценке его определенных этапов, что ведет к недопониманию важных реалий данной ситуации. Мы назвали этот феномен процессом реинтерпретации мифологических мотивов тюремно-воровской субкультуры во внешнем социокультурном пространстве. Мифология тюремно-воровской субкультуры обладает цельностью, только функционируя в своем родном пространстве – внутри мест лишения свободы. Во внешнем простран-

стве она воспроизводится сегментарно, повинуюсь абсорбирующим интенциям самого внешнего пространства, в котором заимствованные элементы подвергаются ремифологизации, адаптируясь к новым для себя социокультурным условиям. Нередко заимствованные реалии кардинально меняют свое значение, так как употребляться в своем субкультурном значении они просто не могут в силу радикального отличия «внешней» среды от собственно пенитенциарной.

Мифология тюремно-воровской субкультуры являет собой некий симбиоз чисто воровской мифологии, представленной мифологемами, формирующими и регулирующими картину мира профессиональных преступников еще советской эпохи, и тюремной мифологии, представленной мифологемами, способствующими обособлению заключенных в виде отдельного сообщества и обеспечивающими выживание его представителей и их быт в условиях неволи. Акторами тюремно-воровской мифологии являются в подавляющем большинстве случаев все те же профессиональные преступники-рецидивисты, и многие тюремные мифологемы воспроизводят в несколько адаптированном виде чисто воровские мифологемы. Во внешнем мире обычно реинтерпретируются элементы именно воровской субкультуры вместе с находящимися в их основе мифологемами, отражающими те или иные аспекты картины мира профессиональных преступников.

Можно предположить, что процесс кардинальной реинтерпретации мотивов тюремно-воровской мифологии, являясь феноменом, обладающим естественным характером, может подвергаться определенному контролю со стороны заинтересованных лиц и объединений с целью манипулирования массовым сознанием. Данный процесс заключается в романтизации и героизации воровских обычаев и традиций, «кодекса чести» преступного мира, его норм и правил поведения. Процесс реинтерпретации протекает посредством нескольких информационных каналов. Большую лепту в него вносят средства массовой информации – телепередачи, публикации в печатных изданиях и в сети Интернет. Средства массовой информации в последние годы проявляют повышенный интерес к культовым фигурам российского преступного мира, таким как ныне покойный Япончик либо Аслан Усоян – Дед Хасан, который после совершенного на него покушения на некоторое время стал героем телепередач и публикаций.

Еще большую лепту в данный процесс вносит современный кинематограф, изобилующий фильмами и сериалами, в которых нередко положительную коннотацию приобретают герои криминального мира. В фильме «Антикиллер» это вор в законе «Крест», в фильме «Консервы» – «смотрящий» прииска Фома, в сериале «Боец» – камерные авторитеты Головня и Галид. Причем объектом героизации является не столько сама личность, сколько принадлежность данного человека к «воровскому закону», то есть сам закон, средством репрезентации которого выступают конкретные киноперсонажи. В вышеперечисленных фильмах и сериалах присутствуют также персонажи, принадлежащие к криминальному миру, но получающие по замыслу режиссера негативную коннотацию как люди, нарушающие тюремно-воровские традиции (Метла в фильме «Антикиллер», «Антикиллер 2», Империял в сериале «Боец»). Даже один и тот же человек может менять свою коннотацию в зависимости от приверженности мифологеме «тюремного закона». Рецидивист Сухой в сериале «Зона» – хладнокровный убийца и садист, персонаж, безусловно, отрицательный, в роли «смотрящего» по камере демонстрирует тягу к справедливости, конечно, в рамках «тюремно-воровского закона», в ситуации с попавшим в его камеру американцем, ложно обвиненным в изнасиловании и по тюремным традициям подлежащим ритуальному унижению. «Воровской закон» выступает как репрезентация справедливости, силы, являющейся средством поддержания порядка, равновесия в мире насилия, который при отсутствии данной силы хаотизируется, возвращается в хтоническую форму существования. При этом нормы «внешнего» социокультурного пространства являются «априори» неприемлемыми.

Выйдя во внешний мир, романтизируясь и подвергшись вторичной мифологизации, аналог «воровского закона» начинает восприниматься как сила, препятствующая процессу хаотизации социокультурного пространства нашего общества и противопоставляемая насилию и беспределу, творимому представителями властных структур, которые по сюжету фильмов в основном получают негативную коннотацию в противовес справедливости и неподкупности «правильных воров», справедливость которых обеспечивается знанием «понятий» и следованием им. Конкретные воры справедливы не всегда, но непрерывно мифологизируется справедливость «закона», который ими репрезентируется. В данном ключе оправдано и присутствие в фильмах и сериалах негативно коннотируемых «авторитетов», представляющих силы хаоса в противовес жесткой справедливости «воровского права», жесткость которого также позитивно маркируется, так как соответствует жесткости ситуаций, в которых оно применяется.

Одним из мощных средств репрезентации тюремно-воровских мифологем во внешнем мире является так называемый тюремный, или криминальный шансон. Причем второе название более точно соответствует сути данного песенного жанра, так как чаще всего в песнях исполни-

телей шансона репрезентируется картина мира профессиональных преступников – рецидивистов, верных поборников «воровского закона» и ярых противников «ментовского беспредела».

Я с пеленок знал понятия в делах.
И с ворами я законными дружил.
Меня мама на этапе родила.
Когда батю в хате опер уложил.
(С. Наговицын «Приговор»)

Везут за Урал, что ж, и там мы бывали.
Я в прошлом десятку Краслагу отдал.
Катал я «баланы» на лесоповале.
Но труд меня вряд ли перековал.
(А. Климнюк «Посадочка»)

В песнях репрезентируются основные мифологемы, формирующие картину мира «босняка» – профессионального преступника, входящего в элиту российского тюремно-воровского мира. В песнях часто воспеваются мифологемы игры, судьбы и удачи, которые занимают важное место в картине мира вора. Недаром авторитет «блатного» в немалой степени определяется его «фартом» (удачей), в том числе и карточным, и жизнь воспринимается как карточная игра. «Ведь не «очко» нас губит, а к одиннадцати туз» (М. Круг «Владимирский централ»). Немаловажно и отношение к труду, а именно мифологизация труда как занятия, оскверняющего «честного вора».

Работать, отвечаю, как-то в падлу.
Трудом я рук своих не замарал.
Эй, босота, я говорю вам правду.
Меж ходками я только воровал.
(А. Климнюк «Исповедь РЦД»)

То есть шансон репрезентирует во внешнем мире, в общем, те же мифологемы, которые формируют личность «духовитого блатного», а не простого арестанта, и можно заключить, что во внешнем мире воспроизводится именно аналог воровской составляющей пенитенциарной субкультуры.

Процесс романтизации и распространения в российском обществе мифологемы «тюремно-воровского» закона, предусматривающего соблюдение воровских «понятий», может быть выгоден определенным силам, заинтересованным в интеграции в массовое сознание аналогов тюремно-воровских мифологем, которые могут сыграть свою роль в процессе социальной разобщенности и формирования оппозиционного отношения к структурам власти.

Кроме этого, в процессе романтизации и героизации мифологемы «воровского закона» могут быть заинтересованы и сами «воры в законе», являющиеся персонификацией, воплощением этого закона, носителями воровских традиций и духа. В результате произошедших за последние два десятилетия в нашем обществе перемен пенитенциарное пространство также подвергается некоторым изменениям. Тюремно-воровские традиции уже не подлежат беспрекословному следованию, а «тюремно-воровской закон», в некоторой степени отражая ушедшие либо уходящие социальные и субкультурные реалии, уже не может по-прежнему четко регулировать взаимоотношения профессиональных преступников на воле и их отношения с внешним миром, а также взаимоотношения заключенных и их отношения с администрацией. Таким же анахронизмом становятся и лица, репрезентирующие, воплощающие собой мифологему «тюремно-воровского закона» – «воры в законе». И на воле, и в пенитенциарном пространстве возникают и утверждаются «авторитеты» нового типа, не подчиняющиеся «воровскому закону». Теряя власть в преступном и тюремном мире, «воры в законе» вполне могут оказаться в числе лиц, заинтересованных в романтизации и героизации мифологемы «воровского закона» и себя самих как воплощения данной мифологемы. Пропаганда воровских субкультурных ценностей уже имела место в российской жизни девяностых, эти факты отражены в исследованиях воровской субкультуры тех лет. «Любому «законнику», «положенцу», «смотрящему», другим членам преступных кланов ничего не стоит заплатить некоторым исполнителям, издателям, редакторам телепрограмм, режиссерам кино и т. д., чтобы они оправдывали и прославляли «воров в законе» и других матерых преступников» [4].

Подводя итоги нашего анализа, мы приходим к следующим выводам. Процесс романтизации и героизации тюремно-воровских субкультурных феноменов, имеющий своим результатом реинтерпретацию мотивов мифологии тюремно-воровской субкультуры, главным образом ее воровской составляющей, может обладать целенаправленностью, то есть контролироваться и направляться как силами, заинтересованными в формировании в массовом сознании мифологем, оппозиционных институтам власти и правопорядка, так и самими носителями данной

субкультуры для укрепления мифологем, лежащих в основании воровского ядра тюремно-воровской субкультуры. Особый аспект составляет спонтанный процесс, аналогично происходящий в массовом сознании значительных общностей современной России, а также возникающие в сфере популярной культуры в силу ее естественной мифологичности своеобразные «парафразы» по мотивам мифологем, присутствующих в пенитенциарном пространстве.

Ссылки:

1. Пивоев В.М. Мифологическое сознание как способ освоения мира. Петрозаводск, 1991.
2. Багаутдинова А.Г. Криминальная субкультура и масс-медиа // Научный вестник Омской академии МВД России. 2008. № 3 (31). С. 52–54.
3. Катин В.И. Криминальная субкультура и ее культурологическое значение // Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5. С. 279–286.
4. Разинкин В. Цветная масть: элита преступного мира. URL: <http://bookz.ru/authors/razinkin-va4eslav/crimelit/1-crimelit.html> (дата обращения: 31.10.2011).

References (transliterated):

1. Pivoev V.M. Mifologicheskoe soznanie kak sposob osvoeniya mira. Petrozavodsk, 1991.
2. Bagautdinova A.G. Kriminal'naya subkul'tura i mass-media // Nauchniy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii. 2008. No. 3 (31). P. 52–54.
3. Katin V.I. Kriminal'naya subkul'tura i ee kul'turologicheskoe znachenie // Sotsial'no-gumanitarnye znaniya. 2007. No. 5. P. 279–286.
4. Razinkin V. Tsvetnaya mast': elita prestupnogo mira. URL: <http://bookz.ru/authors/razinkin-va4eslav/crimelit/1-crimelit.html> (date of access: 31.10.2011).